

Лауреат премии
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЕР»

Илья Бояшов

Повесть о плуте и монахе

«Издательство К.Тублина»

Бояшов И. В.

Повесть о плуте и монахе / И. В. Бояшов — «Издательство
К.Тублина»,

ISBN 978-5-8370-0501-5

Несмотря на свою былинность и сказочность, роман Ильи Бояшова совершенно лишен финальной морали. Монах и плут пребывают в непрерывном странствии: один стремится попасть в Святую Русь, другой – в страну Веселию. Но оба пути никуда не ведут. Алексей-монах, избранник Божий, не находит святости в монастырях и храмах, Алексей-плут, великий скоморох, не находит признания своему веселому дару. И утешающий и увеселяющий равно изгоняются отовсюду. Так уж повелось, что если не выпадет тебе вдоволь страданий, то и не сложат о тебе никакой былины, а рассчитывать на что-то большее, осязаемое и вовсе смешно – нечего тогда было рождаться с умом и талантом в России...

ISBN 978-5-8370-0501-5

© Бояшов И. В.
© Издательство К.Тублина

Содержание

Глава I	7
Глава II	17
Глава III	24
Глава IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Илья Бояшов

Повесть о плуте и монахе

1

Шли три странника. Показалась одна деревня. Там, в крайней избе, бедной и запущенной, гулящая девка родила сына. Явились к девке подруги, и был в той избе дым коромыслом – младенец же лежал на столе кое-как спеленутый, ему обмазали губы вином да пивом, приговаривая:

– Знай с рождения веселое зелье! В груди твоей матки не молоко должно быть, а пиво с вином!

И смеялись пьяные блудницы:

– Сызмальства привыкай к нашей жизни! Младенец отплевывался и плакал, требуя материнского молока.

Сказал тогда один странник его матери:

– Не Алексеем ли намереваешься наречь своего сына?

Та смеялась:

– Как узнал ты? Уж точно, Алешкою, как зовут нашего кривого кабатчика.

И сказал другой странник, поглядев на младенчика:

– Не быть ему кабацким гулякой, не быть безродным теребнем. Не цветок ли он на унавоженной почве? Праведник вырастет в вертепе!

Мать и ее подруги со смеху покатывались:

– Ах, быть ему праведником! Третий странник попросил:

– Повесьте ему нашу ладанку. Гулящая мать отвечала:

– Коли сами дарите, сами вешайте! Не нашлось ни куска хлеба в той избе, но налили им вина в баклаги. Они кланялись, прощались, за винцо благодарили.

2

Пришли странники в село. И там рожала баба. Изба была богатой и хозяйство ладным. Когда родилось дите, мужик роженицы вспомнил о пришедших и вынес им хлеба. Они попросили взглянуть на младенца. И спросил мужика один странник:

– Не Алексеем ли задумал назвать сынка?

– Так и есть, – отвечал отец. – В честь Алексея, Божьего человека! Будет теперь кому умножать мое богатство, будет он мне помощником и отрадой!

Другой странник покачал головой:

– Не быть ему опорой, не быть благочестивым – вечным огорчением будет твой сын!

Младенец между тем от груди материнской отворачивался да морщился, а когда вином обмочили его губы, успокоился.

Третий странник вытащил ладанку:

– Повесьте-ка ее на младенца. Богобоязненные родители его послушались и повесили младенцу маленькую ладанку.

С тем поклонились странники, попрощались.

3

Пришли они к царскому дворцу. Повсюду был праздник – царица родила сына. По городам и весям разнеслась весть о наследнике. В столице палили из пушек, вились знамена да флаги. Толпился народ, пьяный и веселый, кричал «ура». Приезжали во дворец кареты сановников, спешили вельможи поздравить государя. Ликовал сам венценосный отец – прежде рождались у них с царицей одни дочери. Приказывал государь:

– Громче, громче играть оркестрам. Веселее, веселее гулять моему народу! Есть у России будущее, есть наследник царского престола!

Стража странников не пропустила:

– Кто вы такие? Ну-ка, повертайте прочь, а то угостим прикладами и старость!

Один странник спросил:

– А что, служивые, не слышали, не Алексеем ли назовут царского сыночка?

Отвечали:

– Тебе какое дело, бродяга? Ступай вон от ограды, иначе будет несдобровать.

Другой же странник сказал:

– Неужто не допустят хоть глазком одним взглянуть на младенчика, предсказать ему судьбу?

Засмеялись гвардейцы:

– Эка взял! Да знаешь ли ты, кто это за младенчик? Венценосец будущий, сам царский сын! Ему уже на роду быть счастливым написано!

Третий странник достал ладанку:

– Ну, коли так, может, передадите наш подарок царскому наследнику?

Солдаты им сказали с укоризной:

– Да разве вы не знаете, убогие, что у младенчика уже есть крестики, ладанки, брильянтами осыпаны, на золотых цепочках, что же вы суете чумазую свою ладанку? Ну, не с ума выжившие? Кто будет и прикасаться к ней во дворце, кто ее и поднести-то посмеет царевичу?

Странники тогда поклонились и пошли.

Такова присказка.

А вот повесть о плуте и монахе.

Глава I

1

Потаскушкиного сына крестил пьяный поп в хлеву – церковь в тот год сгорела, в избе же шла гулянка. И когда несли его, то уронила мать младенца в лужу – мокрым стал ребенок еще до крещения. Но не заплакал.

Затем принялся поп над ним читать молитву, и запинаясь, и забывал ее. Взяв дите на дрожащие руки, уронил тут же в корыто, поставленное купелью. Младенчик и голоса не подал.

Отхлебывал поп из початой бутылки и обливал его водой в холодной купели – посинел младенец, но молчал. Поп же подумал:

– Все равно пропадет у потаскухи младенец, как помирали прежние.

И были: крестным отцом – пропойца кладбищенский сторож, а крестной матерью – старуха-сводница. Она, наклоняясь над младенчиком, чуть на него не падала. Не во что было завернуть дитя. Нашли дерюгу и завернули в дерюгу. Когда же выносили крещеного, то, о порог споткнувшись, свалился с младенцем крестный – в третий раз искупался малой – но не услышали даже писку. В избе стояли крик да топот, проминали полы сапогами подгулявшие кавалеры, звенели разбиваемые стаканы и наяривала гармошка. О крещеном забыли – взялись тут же крестины праздновать.

Младенец же заснул.

Назвали его Алексеем, в честь кривого кабатчика.

2

Понесли крестить своего сынка и благочестивые родители.

На паперти раскричался младенец и требовал всем своим видом, чтобы его распеленали. Когда же кроткая матушка его освободила – пустил длинную струйку. Отец, поглядев на это, обрадовался:

– Хорошо, что облегчился с паперти. Теперь окрестим его спокойно.

Но не прекращался надрывный крик. Затыкали уши приглашенные и покачивали головами:

– Эка раздувает он легкие, точно кузнец меха. Вот труба иерихонская!

Младенец орал точно резаный.

Когда же принялись опускать его в купель, окатил струйкой священника. Сказал тот, вытирая рясу:

– Не видывал я еще, чтобы младенцы, души безгрешные, пускали такую струю.

И зашептались стоящие:

– Откуда пролилось столько влаги на бедного нашего попа? Не иначе, пивной бочонок родился и нельзя завернуть ему краник.

Когда же понесли в алтарь младенчика, то едва его удерживали – вопил он и вырывался из рук. Приглашенные тихо говаривали:

– Ай да младенец безгрешный, ай да ангельский голосок. Мог бы помолчать в церкви Божией!

От натуги младенец едва не лопался, и молвил огорченный отец, словно тот мог его понять:

– Негоже в доме святом надрываться, из рук выскакивать!

Но вертелся тот так, что сбил горящие свечи. Бросились его пеленать – пустил он третью струйку и окатил крестных отца с матерью. Священник же бормотал, вздыхая:

– В первый раз я вижу подобное крещение, чтоб так упирался младенец у входа в дом Божий, чтобы так брыкался, когда понесли его в алтарь. Не к добру такое упирание, не к добру такой надсадный крик.

Из церкви младенчика вынесли, он тотчас успокоился. Мать, не слушая пересудов за спиною, улыбалась своему сынку и запела тихо песенку – но не засыпал он, как ни старались, ни убаюкивали.

Записали и его Алексеем в честь Божьего человека.

3

Крестили и царского сына!

Сверкал Великий Собор во всей своей славе. Солнце било лучами по куполам и крестам и звонили колокола.

Расстилали ковровые дорожки под ноги российской императрице – несла она драгоценное дитя, завернутое в кружевные пеленки, в парчовые одеялки. Мягко ступала по коврам ножка царицы – и множество рук готово было тотчас поддержать ее, если оступится она с ценным младенцем.

Пели в самом соборе царевичу хоры поистине ангельские, он же мирно посапывал. Тесно было в огромном храме от князей и княгинь, мундиры и платья сверкали изумрудами да алмазами. На улицах повсюду стояли войска пешие и конные и оттесняли толпу, спешившую увидеть наследника.

В золотой купели плескалась благовонная вода.

Передавала царица первосвященнику младенца, как хрупкую драгоценность, как хрустальный сосуд.

Сиял рядом с нею отец – государь российский – не было человека счастливее его.

Народ же на улицах ликовал и теснился повсюду – с трудом удерживали его солдаты. Многие поднимали своих детей, чтобы увидели те будущего господина, но все видели лишь расшитые золотом мундиры да платья царской свиты. Вот тронулись кареты, поскакали ко дворцу трубачи и барабанщики с литаврами, а за ними – гвардейская стража, лейб-казаки. За мамками, няньками, пажами упрятали спящего младенчика, надежно укрывали его каретные двери, занавеси защищали от дурного глаза, от шума и слепящего солнца. Ждали царевича во дворце подарки; бриллиантовые крестики, золотые цепочки, а столы ломились от кушаний.

А священники пели:

– Многие лета Алексею Николаевичу!

4

Время шло: рос себе плут у благочестивых родителей. За него волновалась матушка:

– Не упал бы с крылечка, в яму бы не шагнул... Мостик бы его не свалил. Косяк бы дверной не ударил!

Как исполнилось малому пять годков – взялся он бегать с деревенским дурачком Телей. Завздыхала добрая мать:

– Ах, не пропал бы сынок, не потерялся бы с улицы. Защиплют его гуси, закусуют собаки.

И болело ее сердце, когда не видела сынка под окнами.

Летом, когда ласточки принялись носиться над пыльной дорогой, скрепя сердце, сказала:

– Бери, Алешенька, узелок, ходи на дальнюю горку, там батька твой пашет – отнеси ему пообедать сальца да хлебушка! Отец наш еды дожидается.

Алешка убежал, кинул в траву узелок, а сам играл с дурачком, заставляя того скакать на четвереньках, – оседлав Телю, помахивал хворостинкой. Время к вечеру – Алешка вспомнил об узелке, содержимое съел, а губы дурачку салом намазал.

Возвратился голодный батюшка:

– Что, жена, не пришла сама, не прислала сына на горку?

Плут тогда захныкал, принялся тереть глаза:

– Бежал я, бежал, дурачок меня толкнул в овраг, пока поднимался, Теля все съел – вон у него губы салом намазаны!

Мать взялась отцу ахать:

– Накажи дурачка, он сына обидел. Отец рассердился, закричал глупому Теле:

– Чтоб духу твоего здесь не было! Тот испугался, со всех ног убежал.

На следующий день позвала мать сорванца:

– На-ко, сынок, отнеси еды отцу. Дурачка-то нет, батька его прогнал!

Алешка-плут побежал по деревне скакать – бегал, бегал, устал, проголодался. Из узелка все вытащил и отправил в рот. Потом поймал собаку соседскую, Жучку – морду ей оставшимся салом вымазал.

Плача побрел домой хитрец и жаловался матери:

– Я маленькой, я слабенькой, напала на меня собака, отняла, все съела – вот и морда у нее в сале.

Отец грозился собаке:

– Больше ей сюда не сунуться! Вновь мать узелок повязала:

– Ты иди, Алешенька, не той дорогой, что по селу ведет, а той тропкой, что вдоль речки пробегает. Собаки там не ходят, дурачка там не видно.

Алешка кивнул и побежал играть. Вечером он поужинал и, выкинув узелок, взялся попричитывать, тереть глазенки:

– Напал на меня у реченьки медведь – я узелок-то ему кинул, а сам – на дерево! Уж он терзал, выгребал еду батюшкину, я до вечера на березке сидел, спуститься не мог.

Отец на лгуна осерчал:

– Каков медведь-то был?

– А вот каков – пять лап да семь ноздрей, пар валит из трех ушей!

Облилось тут страхом на дерзкий ответ материнское сердце, но не дала сына наказывать, собою прикрыла:

– Единственный он у нас!

5

Сидел как-то раз малой на крыльце, палку строгал, кур с петухом передразнивал.

Приехал в село купец-коробейник, заглянул во двор:

– Это что за малец, аккурат с мой меньшей палец? Кабы не споткнулся я, за порог не зацепился – не увидел бы тебя да не задивился!

– Это немудрено, – заметил Алешка. – С такими бутылками, что торчат у тебя из карманов, и блоху примешь за корову, а гору между ног пропустишь...

– Экий ты прыткий! – засмеялся купец. – А не скажешь ли тогда, как у вас живут на селе?

– У нас на селе подралась попадьа с дьяконицей, маленько поноровя, черт треснул пономаря, поп не тужил и обедни не служил.

Купец спросил:

– Если ты такой спорый, угадай – отчего голова моя раньше бороды поседела?

– Как не знать! – с невозмутимым видом откликнулся малой. – Борода-то головы лет на двадцать моложе.

И убежал, хохоча.

6

Надоумил Алешка Телю, бестолкового дурачка:

- Теля, Теля, нужна твоя помощь! Сосед наш свинью палит. Свинья-то уже загорелась. Бери ведро, беги заливать. Он спасибо скажет тебе, благословит, даст пряничков.
- За дураком долго бегали, награждая тумачами. Хохотал безжалостный плут.
- То-то, каковы прянички?

7

Забрался он под церковный алтарь и ждал, когда поп начнет проповедь. Воскликнул тот:

- Господи! Очисти нас, грешных, и помилуй!
- Был из-под самого алтаря голос:
- Не помилую! Священник повторил:
 - Очисти нас грешных! Помилуй!
 - Не помилую! В третий раз прокричал священник:
 - За что, Господи, отвергаешь просьбы мои? Помилуй!
- И, услышав ответ, проклинал про себя богохульника.

8

Суровый отец снял вожжи и дождался сына. Поймав его, как угорь юркого, и, зажав голову между ног, смахнул штаны и с огорчением ударил:

- Вот тебе, озорник, за Господа нашего, Вседержителя. Не богохульствуй, выполняй заветы Его, как и положено православному. Аминь!

И ударил второй раз, очень огорчаясь:

- Не задевай ни словом, ни делом священника, ибо он для веры сюда поставлен, для доброго напутствия – он крестил, он женить будет, он нас и схоронит – куда нам без попа? Вот тебе за Иисуса Христа. Аминь!

Третий раз сокрушенно ударил:

- За Святого Духа! Не потакай своему юродству, над людьми не смейся, грех обижать умом обиженных. Аминь!

Так, выдрав, сидел печальный. И сказал жене:

- Чем прогневал я Бога? Чту законы Его и отношусь по-христиански к странникам. В церковь хожу чаще прочих и справляю все посты. Крепко мое хозяйство – оттого, что тружусь от зари до зари. В кого же тогда баловник и шельмец? Откуда набрался он бранных слов, непотребных выходок? Будоражит честных людей, и стыдно мне уже в глаза смотреть соседям. Что же будет, когда подрастет?

Зашлась в плаче матушка, кинулась искать любимого сынка – но не нашла нигде: ни во дворе, ни на улице. И плакала, возвратившись домой, о нем убивалась.

Беспутный же сынок как ни в чем не бывало бежал к дурачку Телю, который один слонялся за околицей. Дурачок дружку обрадовался.

Смастерил плут дудочку-свирельку и сидел под березой – далеко отсюда были видны леса и поля и убегала вдаль дорога.

Играл на дудочке расторопный Алешка, а дурачок отплясывал.

А малой пел:

– Батька пропил мою шубу,
Я пропью его кафтан.
Если мамка заругает,
Я пропью и сарафан.

Горя ему было мало!

9

Зимою два слепца застучали в ворота Алешкиного дома. Били по воротам слепцы клюками:

– Подайте людям замерзшим, слепеньким да бедненьким.

Переговаривались, закатив невидящие глаза к небу:

– Чуем, спускается кто-то с крыльца. Спешит-поспешает добрый человек с хлебцем, с копеечкой. Стучит добренькое его сердечко, готов убогим подать на здоровье!

И еще прислушались:

– Не малое ли то дитятко? Не скрипят ли по снегу шаги самого ангелочка-херувимчика?

Плут отвечал утвердительно:

– Не иначе, спешит к вам херувимчик! И захватил с собою две сосновые чурочки:

– Вот вам хлебушко, застывший с мороза. Ничего, разгрызете, зубы-то вам Господь еще оставил!

И совал им железку:

– А это рублик вам от нас с папашею. Пошли те несолоно хлебавши – плут же над ними хохотал:

– Как вам хлебцы? Как рублик подаренный?

Узнал про то батюшка, накинулся на сына:

– За что обидел калик? За что смеялся над переходжими?

Алешка ответил:

– Уж больно они стонали, мне спать не давали! Да и то – отчего по моим воротам стучали клюками? Отчего на мой двор заходили убогие? Может, еще и в мою избу впустить оборванных? Уложить на полаты? И то, батюшка, не много ли мошенников шляется, не многие ли убогими выставляются?

Вскричал тогда батюшка:

– В кого ты такой бессердешный, насмешливый? Благодравие должно быть в тебе! Иначе пойдешь кривой дорожкой, обрывистой тропкой... Разве благодравный отгоняет странников, смеется над убогими? Разве шастает с утра до вечера, огорчает родителей? Благодравие в тебя войти должно!

– Ах! – закричал тут сынок, хватаясь за горло.

Вспокоилась матушка:

– Что с тобою, дитятко? Не поперхнулся ли? Не задавился?

– Нет! Не иначе в меня благодравие входит! Не проглотить сразу, вот я и поперхнулся!

Вот теперь, чую, проскользнуло. Сидит теперь внутри меня благодравие...

И поднял ногу.

Вознегодовал отец. Объяснил ему непутевый сын:

– Благодравие-то в меня вошло, а дурости не осталось местечка. Вот она и выходит с треском!

Сокрушаясь, добавил:

– Видно, сильно дурость моя благодравию не понравилась!

Только его и видели.

10

Пришла масленица. Плут сказал:

– Хочу в город с папашею! Охнула матушка:

– Куда тебе, малой тростиночке, в город? Затопчут тебя на ярмарке. Украдут цыгане!

Потеряешься – не отыщем.

Отец же решил:

– Хватит ему бездельничать! Пусть попривыкнет к работе. Не век сидеть ему возле твоего подола.

И запрягал лошаденку. Приехали в город, на площадь – всюду гуляла ярмарка. Отец наказал малому:

– Пока я товар раскладываю, никуда не отлучайся. Иль не слышал, цыгане хватают малых? Иль не слышал, как топчут детей в базарной толчее? Я же за послушание куплю тебе калач!

Не послушал сынок. Крутились неподалеку медведь с мужичком. Очертив круг по снегу, говаривал мужичок старому мишке:

– Ну-ка, Емельяныч, покажи нам, как солдатушки маршируют!

Косолапил мишка с палкой на косматом плече.

– А как девки в зеркало смотрятся? Принимался медведь показывать девок, язык высывая, жеманясь и прихорашиваясь.

Алешка пробрался под ногами глазающих, прихватив с торговых рядов жгучего перца. Когда мишка на публику попятился задом, сыпанул ему незаметно под хвост. Поднялся Емельяныч на задние лапы, заревел и кинулся в толпу – сделалась великая толчея, все бросились на ряды, топча товары, смахивая лавки, – мчался медведь, опрокидывая барышень и городских, – вмиг разбежалось гулянье.

11

Долго бродил безутешный отец, спрашивая приставов да околоточных – не видел ли кто мальчишку, шустрого и вихрастого. Перекрестясь, влезал в балаганы – не там ли он газеет на представления. Надеялся и на каруселях сыскать сорванца. И горевал – как без сынка вернется домой, что скажет своей жене.

12

В то же самое время на другой площади зазывал, кривляясь, беспутный Алешка народ в палатку:

– Не пожалейте, господа, копеечку! Прокачу вас вокруг всего белого света!

Рядом стоял и хозяин палатки, старый цыган. Находились ротозеи – маленький плут хватал за руку любопытного, заводил в палатку, где было пусто, лишь на столе горела свечка. И обводил вокруг того стола. Посетитель оказывался на улице озадаченным. Алешка же вновь верещал, приманивая бездельников, звенели копеечки за пазухой у малого, цыган, между тем, потирал руки, время от времени принимался мальчишка напевать да приплясывать:

– Я гуляю, как мазурик,
Пропаду, как сукин сын.
Меня девки не помянут,

Бабы скажут: «Жулик был».

Зрители толпились и, дивясь на его возраст, смеялись частушкам. Так, вместе с новоявленным товарищем-цыганом дурачил он народ!

13

А когда уже выплакала все глаза матушка, и отец готов был пойти в церковь на помин души малого – плут появился. И щеголял в сапожках, в поддевочке, в кулаке зажимал золотой, а в карманах звенели пятаки, свисала цепочка от серебряных часов. Где пропадал, матушке с отцом про то не сказывал. Кинулась к сынку обрадованная матушка, не дала своему мужу вымолвить и слова. Лучшее тащила на стол, приготавливая ненаглядному.

А наradoвавшись, сказала:

– Пусть грех то великий, такое желать своему сыночку, но нет моих сил более терпеть, ждать, где он, что с ним, с дитяткой! Ах, лучше был бы мой сыночек слабеньким да болезненным – всегда бы находился рядом! Я бы его укутала, кормила, поила, прижала к груди своей. Я бы его убаюкивала, пела бы ему песенки – никуда бы от себя не отпустила!

Но не удержать ей было пройдоху – стучал уже Теля-дурачок в окна, призывал Алешку бежать на болота, в подлески, к ивам, к орешнику.

И убежал Алешка к болотцам – за новой свирелькой.

14

Сынок же блудницы жил больше в трактире, чем в избе.

Был он с рождения слабенький да молчаливый – никто не слышал его голоса. Те, кто смотрел на младенчика, говаривали с убеждением:

– И года не пройдет, похоронит потаскушка своего сына!

И добавляли:

– То еще будет ему избавлением! Мать часто забывала сынка на трактирных столах. Лежал он посреди бутылей, в табачном дыму. Она и не спохватывалась! Когда приносили ей забытого младенца, так радовалась его появлению:

– Чтоб сдох ты, окаянный! Быстрее бы от тебя избавилась!

15

Один потаскушкин кавалер, взревновав ее, закричал:

– А любишь ли ты меня так, что выбросишь за порог своего выродка?!

Мать и выбросила сынка в сугроб. Проходили мимо люди, подобрали замерзшего – обратно внесли в избу. Думали, что точно он померет. Пришла сводница-старуха, крестная мать, и одно прошамкала:

– Вот-вот кончится. Нет силы в нем даже на писк.

А малой не помер! Уже к лету он ходил, держась за стены – и не было ничего на нем, кроме драной рубахи. Когда же мать бросала его и уходила гулять, сосал плесневелые сухари, которые кидала она сыну, словно собаке. Ловил в избе тараканов и кормился ими.

Сердобольные соседи собрали ребетенку денег на одежду – но схватила те деньги мать и пропила.

Тогда одежонку старую собрали – но схватила ту одежонку и пропила.

Тем же, кто ее укорял, отвечала:

– Жду не дождусь, когда возьмут его черти!

16

Стал сын постарше, но все молчал, и думали – родился он немым. Ему уже тогда наливать пытались, ради потехи, праздные гуляки. Мать же, бывшая рядом, поддакивала:

– Пей, пей, может, раньше подохнешь от веселой водочки.

Сунули ему как-то стакан водки, он сбросил тот стакан на пол.

Таскала его тогда мать за волосы:

– Не смей стаканы полные скидывать! Крестная молвила:

– Хорошо ему просить милостню. Такому будут подавать.

И взялась мать учить его просить милостню. Наставляла:

– Выпрастывай руку за подаванием, плачь, скули голоском тоненьким, чтоб разжалобился всякий проезжий купец!

И выгоняла на дорогу перед трактиром. Он же от дороги отворачивался – и был нещадно таскан за волосы.

17

Сидел заморыш часто возле окна один-одинешенек. Все деревенские дети играли, он не шел к ним, не забавлялся в палочку, как многие, не прыгал по дороге, не лазил по яблоням.

Матери наказывали своим деткам:

– Пожалейте убогого. Подите, поднесите ему пряничков да орешков.

Дети приносили гостинцы и клали на подоконник. И зазывали играть:

– Пойдем, в рюхи поиграем, побегаем друг за дружкой.

Никуда он не ходил, не бегал.

18

Один нищий вечером зашел в избу. Ничего ему не сказал мальчишка. Тогда нищий стал искать хлеба, отыскал краюху и съел – молчал потаскушкин сын. Нищий полез на печь спать.

Наутро старик спросил:

– Что же ты, малой, ничего не скажешь на мой приход? Вот расхаживаю по твоим половицам и взял твоего хлеба, и на печь твою залез без всякого приглашения. Или ты в доме своем не хозяин?

Впервые подал голос пьянчужкин сын:

– Не мой это дом, дедушко! Ничего моего в избе нет. Ничего мне в ней не принадлежит. Вот сейчас живу здесь, а назавтра ты сможешь жить в ней!

Нищий, дивясь такому ответу, приласкал малого:

– Великую правду ты сказываешь. Не наше все, а Богово! Мы – путники здесь случайные, твари нагие – вот посидели, поспали, ушли... Наше ли дело делить Божие? Истинно, малой, недетский ум в тебе, не ребячьи твои рассуждения. Скоро ли сошьешь себе дорожную суму? Скоро уйдешь бродить и искать Его?

– Да разве не видишь, дедушко, – отвечал ребенок. – Уйти можно, не уходя никуда. Видеть можно, не открывая глаза свои. Не шит еще дорожный мешок, а я уже отсюда ушел – вот и нет меня здесь!

Странник его поцеловал:

– Поистине, ты уже далеко, малой.

19

Притащилась мать-пьянчужка:

– Как, не подох еще? Не взяли тебя черти?

И прогнала сына.

20

Царевич же с младенчества отдыхал во дворце на тюфяках, на перинах, спеленутый атласными одеялками, – толклись возле него мамки, и сама царица не отходила от венценосного чада. Зорко следила она за сыном.

Когда же царевич немного подрос и взялся бегать, караулили няньки шалуна по всем дворцовым залам – тряслись над ним, лоб ему щупали – не простыл ли, не застудился в царских покоях.

Все старался открыть игривый царевич дворцовые двери, сбежать по лестницам – ловили его, брали на руки, относили обратно в царские комнаты и не спускали глаз с маленького Алексея, помня, кого охраняют, за кем присматривают.

Гвардейцы же, стоявшие в карауле, усы подкручивая, вздыхали:

– На роду ему счастливая жизнь приготовлена – спать в палатах, вкушать сладкие кушанья, играть царскими куклами. Эх, нам бы, братцы, такую жизнь! Он же убегает еще, вырывается из дворца! Чудно!

21

Когда исполнилось царскому сыну три года, не усмотрели за ним няньки – побежал он к дверям – оказались распахнуты те двери. Круты были дворцовые лестницы – упал царевич и расшибся. Не могли остановить наследнику кровь! Послали за лучшими докторами – напрасно и они прикладывали бинты и пропитанную бальзамами вату, и давали пить лекарства – заходился криком царевич, корчился от боли. Заплакал государь на его мучения. Приказал он узнать, в чем дело; отчего от простого ушиба так мучается его сын. Собрались знаменитости возле будущего венценосца. Все видели, как страдает государь и ждет ответа, но не смогли сказать правду, и отворачивались, потупив глаза.

Решился, наконец, один из дворцовых лекарей:

– Ваше Величество! Болезнь царевича неизлечима. Нельзя ему бегать, как обычному ребенку, прикажите застелить полы мягкими коврами, обить все углы и двери материей – чтобы нигде не мог царевич ни ушибиться, ни пораниться – иначе не остановим кровь наследнику престола, не спасем его для трона!

И вздыхали доктора лейб-медики.

22

Был приказ – лучших дядек отдать царевичу Алексею.

Устлали коврами покои, обили углы материей, обернули ею все стулья и кресла – все было предусмотрено, чтоб ни на что не наткнулся несчастный ребенок.

Склонялась царица над любимым чадом – но и материнские обильные слезы и ласки не могли помочь. Рыдая, твердила царица:

– Все отдала бы я за то, чтоб здоровым бегал мой ребенок и шалил, подобно другим детям. И была бы счастлива, зная – пусть хоть где-то далеко, но бегают он! Лишь бы не сидеть возле его кроватки, не видеть, как мучается безвинный мой сынок!

23

Никуда с тех пор царевича не отпускали.

Следил царевич Алексей из дворцовых окон, как носятся его одногодки пажи. Купались они летом в прудах царского парка, зимою же скатывались с горок. Но не мог царевич, разбежавшись, нырнуть в пруд, не мог беспечно скатиться кубарем с горки. Не мог забавляться детскими забавами будущий венценосец – и горько плакал.

Глава II

1

А благочестивый батюшка плута не выдержал – отнял у сына и разломил дудочку-сви-
рельку:

– Пора, бездельник, отдать тебя в учение, чтоб обучился хоть какому-нибудь мастерству
и не позорил родителей.

Заплакала матушка:

– Будут бить его в учении, гонять за водкой. Будет он получать не ласки, а зуботычины.
Сынок мой любимый, Алешенька! Ох, уйдешь от меня – кто же испечет тебе блинки, сготовит
вареники? Кто попотчует тебя кваском да щами с убоинкой? Кто тебя поднимет не поленьем,
а ласкою? Слезоньки прольешь по прежней вольготной жизни в отчем доме.

Так не хотелось ей расставаться с дитятей. Отец же был непреклонен.

Убивалась матушка, собирая Алешку:

– Вот тебе, ненаглядное мое дитятко, картошечка в узелке, нет ничего слаще родитель-
ской картошечки. Вот тебе салыца и хлебушка. Ан, не захватишь еще и соленых огурчиков? И
квасца твоего любимого запасла я бутыль, и сапожки новые справила – к нам в них прибегать
тебе по праздничкам. Ой, надолго ли уходишь?!

Суров сделался батюшка, сказал сыну:

– Не слушай ее причитаний. Баба плачет, что ливень шумит, – было и нет. К юбке ее не
спешу возвращаться. Учись ремеслу, иначе быть тебе бродягой. Понесет тогда тебя до веселой
жизни, отвернет от Господа Бога – и верная то будет пропажа!

Алешка же к матушке бросился, обнимал, целовал ее. И кричал:

– Как ты будешь теперь без меня, милая матушка! Кто обрадует тебя приветливым голос-
ком? Кто будет стучать за столом ложкой, когда готовишь ты овсяную кашу, наливая в нее
конопляное масло? Кому ты теперь сготовишь квасца холодного из самого ледника, да щей
кислых с бараниной? Кому пожаришь шкварочки?

На это выступление хитрого своего сына батюшка молвил:

– Ступай к саням. Уже запряжена Каурая. Полно плакать, попричитывать – то-то отве-
даешь моих вожжей!

2

И отдал его в учение к кузнецу.

С первого дня заставил кузнец Алешку себе прислуживать. Слипались глаза малого, а
кузнец спать не давал, будил затемно. Носил ему подмастерье воду, растапливал печь, а затем
работал в кузнице. Кормил хозяин его впроголодь – давал хлеба кусок да пустые щи на обед, на
ужин – хлеб с водою да картофелину. Начал он приучать помощника к мастерству – тяжелая
его рука оказалась щедрой лишь на подзатыльники. Ученик дурачком прикинулся – понесет
заготовки, их вывалит, побежит за углем – рассыпет. Все у него из рук валилось, кузнец же
кричал:

– Ах ты, отродье бестолковое. Чудище безрукое!

И раздавал затрещины. Как-то раз хозяин пошел встречать заказчика, непутевому при-
казал:

– Поддувай меха-то. Скиснет огонь!

У кузнеца висел в кузнице овчинный тулуп. Алешка взялся дуть на овчину и усердно так дул, пока кузнец не вернулся.

– Что ж ты делаешь, сукин сын?

– Меха поддуваю! Огонь вовсе погас. Кузнец его в шею выгнал:

– Чтоб духу твоего больше здесь не было!

3

Отдали плута к скорняку.

Шил пропойца-скорняк шапки да тулупы и сердился на ленивого парня – тоже охаживал тумачами.

Зимой приехал к мастеру барин:

– Слышал я, ты больно в шубах искусен! Поезжай-ка назавтра в мое имение – есть у меня медвежья шкура. Хочу из нее шубу себе выкроить. Сделаешь хорошо – одарю богато.

Алешка, про то услышав, раздобыл две пивные бутылки да четвертинку водки. В лес бросился и поймал там в силки зайца. Отнес беляка к реке, к проруби, бросил в мережку, а мережку ту опустил в воду. Затем на лесной дороге привязал пивные бутылки к дереву. И с четвертинкой вернулся к хозяину.

Мастер с утра уже набрался и, запрягая лошаденку, выдeldывал ногами кренделя. Достал Алешка четвертинку:

– Это, хозяин, сам Никола Угодник прислал вам, чтоб чтили его и вспоминали почаще!

Скорняк четвертинке обрадовался:

– Ай, да спасибо Николе Угоднику! Поехали они к барину. Как в лес въехали, скорняку захотелось еще выпить, взялся он вздыхать и жаловаться. Алешка сказал:

– Знаю – растет возле дороги бутылочное дерево – там расцветают бутылки с распрекрасным пивом.

Пьяный скорняк, вспомнив о подарке Угодника, вскричал:

– Как не свернуть к тому дереву!

Висели и впрямь на дереве бутылки. Алешка их сорвал хозяину. И продолжил:

– Собрали мы урожай с бутылочного дерева, может, тогда и к речке заехать – найдется там и соленая рыбка.

Скорняк этому уже только кивал. Добрались до речки – плут потянул мережку и вытащил зайца. Себя скорняк ущипывал, Алешка же приплясывал:

– Ай, да добыча! Ты, хозяин, не знал, что зайцы у нас зимою в реке подо льдом плавают? Не попалась рыбка – возьмем беляка!

И положил на сани.

Добрались они до имения. Отдал барин скорняку медвежью шкуру. А затем приказал лакеям угостить мастера. Так напился скорняк, что уже ничего не видел, не чувствовал. Положили его в сани вместе со шкурой, он же зывал:

– Никола Угодник! Не прислал бы ты еще с моим мальчишкой бутылочку?

Барин, услышав такие речи, удивлялся.

А плут на обратной дороге вытащил шкуру да и спрятал в лесу.

Наутро бросился мастер шкуру искать – Алешка твердил:

– Не знаю, не помню. Взялся скорняк драть его за уши, колотить да возить, однако, плут стоял на своем. Тогда потащил его к заказчику. Барин, узнав о пропаже, пришел в ярость и вызвал самого урядника. Тот учинил скорняку допрос:

– Утверждаешь ли ты, что шкуру стащил твой ученик?

– А кто же еще? Поглядите, господин урядник, лишь на его рожу! Разве может честный человек быть с такой воровской харей?

Алешка твердил:

– Не видел. Не знаю. Урядник потребовал от скорняка:

– Сказывай, как было дело! Начал мастер:

– Собрались мы за шкурой, и принес мне распроклятый мальчишка четвертинку от самого Николы.

– От какого-такого Николы?

– От Угодника! Встрял малолетний плут:

– Да разве не слышите вы, бредит, опившись! Разве можно такому верить, господин урядник?

Набросился мастер на ученика:

– Бесово отродье! А не ты ко мне прибежал с четвертинкой от самого Николы Угодника?

– Бредит, как есть, господин урядник! – вскричал плут.

А барин подтвердил – когда относили к саням упившегося мастера, упрасивал тот Николу принести ему еще бутылочку.

Урядник скорняка спрашивал:

– Что далее было, сказывай!

– А дальше поехали мы с этим бесовым сыном по лесу, он мне и говорит – не хочешь ли теперь, хозяин, пива с бутылочного дерева?

– Горячка у моего хозяина! – вопил слуга. – Помилуйте, господин урядник. Видели вы когда-нибудь бутылочное дерево?

Скорняк взвился:

– К самому дереву меня подвез, окаянный вор! Срывал, шельмец, с ветвей бутылки, чтоб меня еще больше подпоить!

– Господин урядник, – слезно молил Алешка, – где такое видано?

– А напоив меня тем пивом, повез к реке за соленой рыбой! – жаловался скорняк.

Урядник сам не выдержал:

– Да в своем ты уме, пьяная образина! Где на реке соленая рыба?

– В проруби, в мережке. Только обманщик вытянул мне не рыбу, а зайца!

Здесь урядник и записывать бросил. Алешка же охал, поддакивал:

– Где это видано, заяц в мережке? Барин скорняку грозился:

– Коли не разыщешь шкуру, по миру пушу, в тюрьму засажу, растопчу!

Приказал лакеям, чтоб гнали со двора обоих. Плута два раза не надобно было упрасивать – припустил, только его и видели.

4

Спрашивал батюшка безутешную Алешкину мать:

– Не видно нашего бездельника? Не тащит ли с собой пустую котомку?

– Ах, нет, – отвечала матушка, заливаясь слезами. – Где он притулился в такой мороз, мое дитятко? Кто отопреет его в лютую стужу, кто даст покушать, на перинку уложит выспаться? Трещат морозы, ветра гуляют по полю – не замерзнет ли, непригретый, не продует его, голодного, дорожный сквозняк?

И всматривалась в окошко – но лишь ветра похаживали по дороге, потрескивал мороз.

Пригрело весеннее солнце завалинку. А батюшка спрашивал:

– Не возвращается ли непослушный сынок, почесывая спину, ибо за выходки его мало кто из честных людей удержится, чтоб не огреть лентя ремнем на прощание, а то и пройтись по его спине дубиной?!

– Нет, нет, – отвечала ему жена. – Не бредет сынок, не волочит свои уставшие ноженьки. Где оно, мое дитятко, проплакала я все глаза – хочу приласкать его и утешить, ибо кто его

пожалеет еще на этом свете? Чую – плохо ему у чужих людей, холодно, голодно! Снилось мне – вот порвалась его рубашечка, вот обносились порточки – кто еще сошьет ему рубашечку, справит порты?!

Возле оконца сидела матушка летним вечером – летали высоко ласточки и перекликались с небес, и лепили под крышами гнезда.

– Ах! – вздыхала. – Где же ты, мой Алешенька?

5

Плут же, сгибаясь под тяжестью узла, в котором лежала медвежья шкура, был захвачен в поле дождем. Промокнув до нитки, вскричал с досадой:

– Отчего я не сам царский сын? Не гоняли бы меня, не мучили, не поднимали бы затемно ради ненавистного ремесла, проклятой поденщины! Сидел бы себе за теплыми стенами, да поедал сладкие кушанья, запивая их добрым пивом и винами. Заедал бы те вина перепелами, вволю бы макал в мед хлеба, досыта наглотался бы имбирных пряничков. Хорошо спать в палатах, под золотой крышей, а не мокнуть болотной лягухой!

И припустил к своему дому, сбежавший от учителей.

6

Потаскушкин сын, выгнанный из дому, отправился, чтобы не умереть с голоду, искать работу.

Увидел его трактирщик и сказал себе:

– Лицом и видом он скромн, точно невинная девица, хоть сам сызмальства посреди воров и пьяниц! Вот такого-то можно взять, обучить ремеслу. На него никогда не подумают!

Но Алеша, заделавшись прислугой, глядел с жалостью на кабацких завсегдатаев. Когда потребовали они от него вина, взялся их уговаривать:

– Не уйти ли отсюда вам подобию-поздорову, пока не залило вас водкой? Поспешите-ка к семьям и помолитесь Богу, чтоб отвратил Он вас от гиблого места! Вспомните о своих детках – вдоволь едят ли ваши детки? О несчастных ваших женах подумайте – будет ли радость в глазах у них, коли вновь привезут бесчувственных мужей и свалят в углу, подобно поленьям?

На такого полового уставились с удивлением.

Пьянчужкин же сын восклицал:

– Не мука ли адова ваша тяга к проклятому зелью? Не сам ли Сатана запускает свои когти в вашу душу, ею играя, – не гаснет ли последний ум, не просыпается ли зверь, когда плывет земля под вашими ногами?! Нет, не подойду к вам более, не налью вина в ваши стаканы!

Собрал он те деньги, которые ему совали, и обратно протянул:

– Оставьте деткам своим на краюху!

Тем же, кто упал, упившись, и не в силах был подняться, заправил вывороченные карманы и, выведя на улицу, на холодке укладывал.

Прознал про то трактирщик:

– Пошел вон с глаз моих! Не будет от тебя никакого толку!

7

Хозяин магазина его учил:

– Смотри перво-наперво, кто перед тобою – ежели из благородных – стелись, ибо нет никого дороже таких покупателей! Пол мети перед гостем таким, выкатывай товар не мешкая.

Иное дело – чернь уличная, мужики лапотные, их бабы глупые – не стесняясь, на них покри-кивай, бросай товар на весы без всякого смущения. Цену тверди им твердую, сам же гирьку незаметно подкладывай. В долг давай с тем, чтоб вернули втрое! Этих можно гнуть, то – пыль завалиющая, с них бери без всякой жалости.

И поставил малого за прилавок.

Пришла вдова и заплакала: у нее семеро сидят по лавкам, кушать просят. Стала выма-ливать хоть зачерствелых крошек. Алеша дал ей муки, дал сахару, налил масла – денег же не спросил:

– Занесешь, когда будут. И сказал вернувшемуся хозяину:

– Разве Христос не велел делиться со вдовами, с убогими? Разве убудет твоего товара?

Набиты им доверху магазин и амбары!

Ответил хозяин после раздумья:

– Все это я не раз слышал от нищих, от попов с монахами, от лентяев да лежебок. Одно мне неведомо – откуда ты, сын пропащей матери, никого кроме пьяниц да сводней не видевший, узнал про Иисуса Христа?

И вздохнул, сокрушаясь:

– Беда в том, что не место Христу за прилавком!

Мальчишка ответил:

– Поистине, место это – царство Рогатого!

Вздыхал хозяин, расставаясь с упрямым:

– Быть, быть тебе голодному.

8

Возвращался пьянчужкин сын, не найдя себе ни еды, ни работы. Непогода застала его в чистом поле. Обессилев, сел он и обращал к небу глаза:

– Вверяю себя тебе, Господи! Ведь истинно: раз Ты дал мне жизнь и наградил руками, ногами и головой – неужто не позаботишься и о пище телесной?

Пролился тут на малого холодный дождь и промочил до нитки. Он, не державший три дня во рту ни хлебной крошки, воскликнул, радуясь:

– Не знак ли это – вставать и спешить далее? Ничто так не бодрит, не будит, как пролив-шийся дождь!

И благодарил Бога за дождь.

9

Сын же царский страдал в своей золотой кровати. И так говорил с тоской, глядя из окон на то, как набегают туча и проливается дождь:

– Кабы мне бегать под тем дождем!

На столах у царевича лежало великое множество закусок; были там икра, балыки, селедка и канале, и сосиски, и суп с волованчиками, пирожки и гренки с сыром, и различные овощи с приправами, фрукты и пирожные, торты, шербет и конфеты.

Приезжали во сверкающий царский дворец уральские казаки, привозили подарки из далекой Сибири. Бородатые кавалеры Георгия вносили блюда с осетрами, выкатывали бочонки с икрой свежайшего посола. Большая честь была для казаков свой первый улов на сибирских реках отдать царю и царевичу. Переливалась под хрустальными люстрами янтарная икра, и были почетными гостями белуга и семга невероятных размеров. Радовались здоровые, розово-щекие сибирские казачки своим же подаркам и щедро наделяли всех икрой и рыбой – пудами везли казацкую добычу.

Потчевал и царь гостей-казаков – им выносили всякие угощения, наливали чистой водочки – пили они за здоровье царского дома и пели и плясали перед царевичем. Уговаривали самого царского сына подгулявшие казачки:

– Попробуйте рыбки нашей, отведайте икорочки! На всем свете не найдете такого лакомства.

Царевич же отворачивался.

Печальным сидел он за столом, и блюда оставались нетронуты.

Тогда начальник крымских виноградников наклонился к самому государю:

– Не выпьет царевич для аппетита вкусного моего винца? Ах, моя «Массандра»! Она любого заставит покушать.

Предлагали вина царевичу – он со вздохом отказывался.

10

А плут, вернувшись к родителям, махнул рукой на всякую работу. Смастерил он себе новую дудочку. Не отходила от Алешки счастливая матушка, вся в слезах от радости:

– Не отпущу более от себя, не отдам кровиночку. Пусть рядом со мною ест, пьет Алешенька, пусть, пусть играет себе на дудочке!

Соседи, слыша с утра до вечера частушки, которые распевал мальчишка, жалели его родителей:

– Видать, на роду написано пропасть непослушному! Увело его с дороги прямой по колдобинам, по рытвинам. Что же будет потом с малым, коли сейчас разбойничает?

И сердились – просвистел он им все уши своею дудочкой. Лишь дурачок Теля радовался возвращению плута. Никуда он не отходил от товарища, глядел ему в рот да приплясывал.

11

Вернулся домой потаскушкин сын и застал пустой свою избу – куда его мать подалась, никому было неведомо.

Пожалели его в деревне. Сшили всем миром порты и рубаху, сплели лапти – и отдали прислуживать пастуху. Ранним утром пастух будил малого, гнали они стадо в поля, к густым подлескам. Разбредались коровы – и уходил в тень пастух, волоча за собою кнут. Малому же как-то сказал:

– Сделай себе дудочку. Славно слышать пастухову свирельку.

Алеша сделал себе дудочку – но пела его свирелька печально, словно плакала.

Не выдержал пастух, погладил по вихрам мальчишку:

– Хочется слезы лить от твоих песен! Выводил бы веселую плясовую, от которой ноги бы сами бежали... Так нет! Не по годам серьезность твоя!

Доставал он хлеб, протягивал малому:

– Ешь, только не выводи так жалобно. Не бери душу.

12

Царевич же Алексей сидел во дворце возле открытых окон.

Услышал он одним вечером – далеко-далеко, за дворцовыми парками, за воротами играет детская дудочка.

Тошно стало царевичу. Слезно просил он мать-царицу:

– Отпусти меня в парк срезать веточку. Хочу сам себе сделать свирель...

Испугалась царица. И запретила сыну даже из окон выглядывать. Дядькам строго наказывала:

– Как бы ни плакал царевич, как бы ни требовал – не давать ему ножей, не выпускать и на лестницы!

Принесли царевичу мягких лошадок, тряпичных кукол – лучшие мастера сработали игрушки царскому сыну. Как живые были ватные лошадки, куклы были сшиты с великим тщанием – не мог он зацепиться за них, пораниться. Но не притрагивался царевич к царским игрушкам. Желал сам смастерить себе простую дудку. И не мог этого сделать!

Глава III

1

Прошло время: Алешка-плут, когда вырос, подался в кабак. Теля рядом с ним терся – тарачил дурачок на друга восторженные глаза.

Трактир с утра до ночи плясал да дрался. И пел плут, увеселяя гуляк:

– Была кузница – сгорела.
Была мельница – сплыла!
Был сарайчик – батька пропил,
А избушку пропил я...

Кормили Алешку курятинкой да свининой, блинами с икрой и расстегаями, смеясь над его проделками. Трактирные девки сажали Алешку с собою за стол, на него заглядывались, гладили его кудри и вздыхали по красавчику. И текло вино и пиво по столам из опрокинутых бутылей, валились под стол пьянчужки. Отплясывал Алешка, в одной руке зажимая жареную баранью ногу, в другой – масляный блин. Выучился он выделывать коленца на зависть любому плясуну – и славно выкомаривал, сам одетый в рубаху, в поддевичку, в красные шаровары да мягкие сапожки, розовощекий и пригожий. И млели от него трактирные девки, кормили, приголубливали, наливали водки да наливочки, пододвигали соленых огурчиков, грибов со сметаной.

Раз посадил он себе на колени смазливую девку.

Сказали подгулявшие мужички, выглядывая в трактирные окна:

– Батька твой прознал, где ты! Сюда идет. Ну-ка смотри, надерет тебе уши... Убегай, бесстыдник, прячься.

Алешка спел:

– Лошадка каренька, маленька
Стоит у кабака.
Не папаша ли приехал
По меня, по дурака?

Девка с его колен спрыгнула, в окно заглянула и закричала:

– Мрачнее тучи идет твой родитель, несет с собой вожжи. Ой, убегай, дроля, ой, не сдобровать тебе, коли увидит здесь со мною...

Алешка спел:

– Не беда, коль порка будет.
Я ничем не дорожу.
Коли мне стручок отрубят,
Я корягу привяжу...

Мастер он был частушки складывать. И ничего уже не мог с ним поделывать бедный родитель.

2

Сын же потаскушкин до поры до времени пас коров. Пришли в одну осень первые заморозки, трава покрылась инеем, запел в тишине колокол недалекого от тех мест монастыря.

Мать пастушка не объявилась. В деревне, как прежде, взялись было помочь ее сыну дровами, он сказал:

– Не трудитесь. Не идти зимой дыму из этой избы.

Когда же просыпал снег, заколотил избу и пошел к монастырским воротам. И поступил в монастырь послушником. Дали ему самую холодную келью и сказали, на свечу показывая, что теплилась возле иконки:

– Вот тебе печь, от нее согревайся, а вот и постелька твоя – лежать тебе на досках, кулак под голову подкладывать, пустым мешком укрываться. Молись Господу нашему, Иисусу Христу. Назавтра же еще затемно придем за тобой.

И покормили лишь пресной кашей. Наутро спросил старый монах послушника:

– Сладко ли спать на постельке? Вкусна тебе монастырская каша?

– Сладка каша, и сон мой крепок, дедушка, – отвечал, кланяясь.

– Теперь всегда вставать тебе затемно, соблюдать посты и молиться, и трудиться во дворе.

Посмотрим, крепка ли твоя вера, сдюжишь ли Божию жизнь...

Протянул ему старец одежду – из грубого сукна порты, рубаху, шапку и поношенный подрясник.

– Ни на мгновение не буду оставлять тебя без работы, без учения, не будет у тебя, служка, ни минутки праздной, коли ты захочешь остаться служить Богу! Не многие то выдерживают...

Послушник новый поклонился и целовал монашью руку.

3

Затемно поднимался он с досок в холодной келье – зуб на зуб его не попадал. Покрывался в той келье пол инеем – он же молился Богу, благодарствуя за милость. Кормили его впроголодь – то вареною пресной рыбой, то кашей без соли и масла, и давали сухари подгнившие, и воду вместо чая – он принимал все с радостью и благодарил Бога.

Старец заставлял его повторять по многу раз молитвы, затем посылал мыть и чистить свою келенку, а затем бежал послушник во двор к колодцу за водой в келью братии. Брал его старец с собой на заутреню. И следил строго за тем, как кладет крест малой, как повторяет поклоны, как монахам голоском своим подтягивает.

После трапезы мыл миски юный послушник вместе с другими мальчишками-служками. Пытались они ущипнуть и ударить его и часто над ним смеялись. Раз незаметно толкнули его, когда раздавал он монахам хлебцы, – упал и рассыпал хлебцы. Заметив озорство, строго спросил пономарь:

– Кто толкнул тебя?

– Попутал лукавый, сам полетел, – отвечал, смиренно кланяясь.

Служки как могли издевались над безответным товарищем. Не жалели его и старшие на всяких работах – в конюшне и во дворе. Когда падал он от усталости, говаривал монах, приставленный к нему самим старцем:

– Ничего! Встанешь с Божией помощью!

И никто не слышал от малого за все то время ни стоны, ни жалобы. За любую работу он брался незамедлительно, не надо было его подгонять и подталкивать. За это и возненавидели его молодые служки. Попали однажды ему в лицо осколком льда. Он стер кровь и прошел

мимо, поклонившись обидчикам. Выбили ему оконное стекло в келенке, снег падал на постель – он не роптал и молился.

4

Жарким и засушливым летом повелел старец мальчишкам поливать огород.

Стоило удалиться старцу, поспешили лентяи в тень. Один лишь новый послушник работал, не замечая насмешек и упреков товарищей. Они же поносили его бранными словами:

– Из-за тебя, смиренный, дерут нас как сидоровых коз! Из-за тебя, убогий, гоняют с утра до ночи. Когда же ты надорвешься, не выдюжишь? И принесло тебя на нашу голову! Никогда еще не встречали мы такого блажного.

Он молчал, сгибаясь от тяжести ведер. В конце лета загрохотала вдали гроза. Туча приближалась к монастырским угодьям. Молчаливому сказали:

– Бросай свои ведра, святоша! Погляди на небо, или вовсе лишился ты ума? Так тебе и поверим, что трудишься во имя Господа! Не иначе, под нас подкапываешь. Не иначе, стремишься занять тепленькое местечко, понравиться самому настоятелю.

Он словно и не слышал. Они махнули рукой на блажного и беспечно купались. Увидев приближающегося наставника, подбежали к старцу, показывая на небо. Тот же сказал, словно не слыша грома:

– Отчего меня ослушались? Надобно поливать, как и прежде!

Пожали они плечами и, как только монах ушел, бросили ведра: «Совсем рехнулся старец! Где это видано – поливать в дождь огороды?» И побежали под навес. Когда хлынул дождь, продолжал лишь один блажной поливать, как наказывал старый монах.

Когда дождь кончился, оглянувшись, увидел послушник старца. Пристыженные служки стояли рядом с монахом, не смея вымолвить ни слова в оправдание. Он же им кротко сказал:

– Правы вы. Стоит ли поливать землю, когда сам Господь взялся за дело? Нет, люди разумные в дождь не работают. Бегите в свои кельи.

И отпустил служек. Они за спиной старца смеялись над блажным и показывали ему языки.

Подойдя к оставшемуся, старец спросил:

– Не злость в тебе под смирением? Не гордыня, не хитрость, готовая показать жало?

Стоял послушник весь мокрый, вода еще стекала по нему – увидел монах в юных глазах радость.

И спросил:

– Не чувствуешь ли озноба в своем теле? Не застыл ты, исполняя мое повеление?

Отвечал Алеша:

– Не холод, не озноб, но огонь горит во мне!

Монах же сказал:

– Молчи, молчи другим об огне! Великая то тайна.

5

Кто-то из братии, видя, как старец одного лишь ученика не милует, а с остальными добр и ласков, спросил:

– Отчего не приласкаешь сироту, не пригреешь теплым словом? Разве то по-Божьему – всем прощать провинности, а его одного лишать и ласки, и доброго слова? Кто, как не ты, способен говорить утешающие слова, кто, как не ты, может ободрить и окрылить любого? Знаем, велик в тебе дар пастыря. Но его словно лишаешься, когдаходишь к послушнику. С ним обходишься, как с нелюбимым пасынком.

Засмеявшись, старец ответил:

– Добрый и честный брат мой! Певца, чей голос с рождения сладостен и прозрачен, кому Господь дал великую силу, не учат петь. Сам Бог вложил песни в уста его. Не учат летать пташку лесную, сама знает она, как ей трепыхаться, радостно напевая, над грешной землей. Что скажешь сказочнику, знающему наперечет тысячи сказок, – какую былинку можно спеть ему, брат мой? Какую присказку молвить?

Добавил старец:

– Истинно, быть ему таким праведником, какого я еще не встречал в своей жизни. До самой глубокой глубины чист сей послушник и предан Господу!

6

Еще один монах спросил старца с некоторой обидой за себя и других:

– Откуда такое у потаскушкина сына? Тот отвечал:

– Разве сам не знаешь? Монах поклонился наставнику и больше его не спрашивал.

Пришло время – старец благословил любимого ученика. Остригли послушника, и стал он монахом.

7

А царевич сидел взаперти в покоях, обитых всякими мягкими тканями, – и не оставалось в дворцовых залах ни одного колющего и режущего предмета. Даже охрана, заступая на караул, оставляла в казармах штыки и сабли – лишь бы царевич не поранился.

Он же часто сидел возле открытых окон – точно больной птенец. Проезжали мимо царского дворца юнкера с барышнями, звенели юные голоски тех барышень, раздавался их смех, подобный колокольчикам. Торопились их веселые кавалеры в трактиры, рестораны – разбросать быстрее свои деньги на вино с закуской, на корзины цветов для своих невест.

И воскликнул царевич:

– Хочу, хочу к тем юнкерам, офицерам, желаю мчаться с ними в трактиры, погоняя коней!

Он страдал, оставшись.

Случились у дворца монахи, пели они слаженными голосами. Не поднимая голов, смиренно шли мимо дворцовых оград, мимо стражи и славили Господа, призывая воспарить в Горние миры. Царевич встрепенулся на ту песню и воскликнул:

– Ушел бы я вместе с монахами! Так сладостно за монастырскими стенами жить в светлой келье и славить Бога. Слышать лишь птиц да монастырский колокол.

И не находил себе места наследник российского трона.

Глава IV

1

А плут расстелил на трактирном полу медвежью шкуру и споро над ней орудовал, вспоминая со смехом беднягу скорняка. Вскоре было готово медвежье одеяние. Созвал он верного Телю и заставил залезть в шкуру – так дурачок сделался заправским медведем. Алешка остался доволен работой.

Вновь он взялся за ножницы, иголки и нитки – сшил полотнище и укрепил на шестах. К тому балагану присовокупил вскоре козью морду и нескольких кукол в колпаках и мундирах. И особо сготовил препохабнейшего Петрушку.

И, Телю позвав за собой, отправился в путь. Так говаривал дурачку:

– Пойдем, поспешим, Теля! Разве не отыщем себе приюта, когда засвистит ветер, не найдем печь, когда снег засыпет поля и завоюют по дорогам волки? Разве не впустит нас погреться смазливая бабенка? Язык мой – гадюка опасная – крепко кусает мой язычок. Но когда надо, подобен он меду, сладоточив, а что еще нужно девкам да бабам?.. Ты же будешь не только медведем. Любят у нас слушать юродивых, а уж я истолкую им твои бредни. Поспешим же скорее! Отец плачет о моем будущем и видит меня в остроге – но разве посадят меня в острог? Самих купцов обводил я, словно малых ребят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.